

УДК 811.161.1'37:821.161.1-2Угаров

И. М. Петрачкова

ПРАГМАТИКА ОНОМАПОЭТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ДРАМЕ-РЕМЕЙКЕ М. Ю. УГАРОВА «СМЕРТЬ ИЛЬИ ИЛЬИЧА»

Во введении указан объект исследования – имена собственные в контексте постмодернистской драмы-ремейка М. Ю. Угарова «Смерть Ильи Ильича». Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые рассмотрены прагматические возможности ономапоэтических средств в постмодернистской пьесе. Данное направление исследования достаточно свежо, актуально и интересно, поскольку понимание выбора имени собственным автором, его информативности, смысловой нагруженности, обусловленности контекстом произведения, стилистикой такого феноменального художественного метода, как постмодернистская драма, позволит глубже постичь культурные литературные коды писателя и осмыслить его творческую концепцию. В основной части статьи классифицированы все поэтонимы художественного текста в зависимости от своего референтного значения, участия в развитии действия драмы, способа номинации, степени семантической активности. Описаны фикциональные индивидуально-авторские и прецедентные антропоэтонимы, номинирующие сюжетных и внесюжетных действующих лиц, а также проприальные единицы второго плана, так называемые «фоновые» именованья. Проанализировано ономапоэтическое пространство драмы, выявлены синергетические возможности номинаций, установлена роль апеллятивно-ономимного взаимодействия. Прослежена обусловленность ономапоэтической лексики художественным методом и жанровой разновидностью пьесы. Раскрыт прагматический потенциал литературных имен, связанный с выявлением глубинных, непосредственно не наблюдаемых смыслов проприальных единиц для воплощения в произведении индивидуально-авторской концепции. Обнаружены ономапоэтические тенденции, сочетающие в себе традиции и новаторство, присущие идиостилю драматурга М. Ю. Угарова. В заключении подведены итоги исследования поэтонимосферы произведения, установлены прагматические возможности ономапоэтических средств, выявлена их корреляция в художественном контексте, перечислены классические и современные тенденции использования имен, способствующие воплощению авторской концепции. Материалы статьи могут быть применены в учебных и просветительских целях в высших и средних учебных заведениях – в преподавании университетских курсов лексикологии, лингвистического анализа художественного текста, современной русской литературы, а также спецкурсов и спецсеминаров по вопросам ономастики.

Ключевые слова: имя собственное, антропоэтоним, ономапоэтические средства, фикциональное имя, поэтоним, интерпретация, прецедентное имя, прагматический потенциал, проприальная единица.

Введение. Исследованию имен собственных (далее – ИС) драматургических произведений конца XX в., на наш взгляд, в литературной ономастике практически не уделялось должного внимания при изучении художественного контекста (ХК). Между тем ономапоэтические средства, функционирующие в творениях, написанных для театра, являются значимой составляющей языка любого художественного текста (ХТ). Об этом свидетельствует анализ значительного числа работ российских [1], украинских [2–4] и белорусских ученых по литературной ономастике [5, с. 66]. Новизна нашей статьи состоит в том, что здесь впервые рассматривается поэтонимосфера (термин В. М. Калинкина [6, с. 40]) пьесы-ремейка рубежа веков М. Ю. Угарова «Смерть Ильи Ильича». Изучение прагматических возможностей проприальных единиц достаточно актуально и интересно, поскольку понимание выбора ИС автором, их информативности, смысловой нагруженности, обусловленности ХК, стилистикой такого феноменального художественного жанра, как постмодернистская драма, позволят читателю / зрителю постичь культурные литературные коды писателя, наиболее глубоко осмыслить его творческую концепцию. Цель нашей работы – установление прагматических

Петрачкова Инна Михайловна, канд. филол. наук, доц., зав. каф. русского языка как иностранного ГомГМУ (Беларусь).

Адрес для корреспонденции: ул. Ланге, 5, 246000, г. Гомель, Беларусь; e-mail: innamihail@mail.ru

смыслов у проприальных единиц в ХК драмы-ремейка и определение специфики авторского выбора ИС для выявления основных ономапоэтических тенденций, присущих творческой манере драматурга. Объектом исследования статьи стали все ИС из текстового поля «пьесы в двух действиях, одиннадцати картинах» [7, с. 205] «Смерть Ильи Ильича» (2001 г.). Нами выявлено и проанализировано более 80 ИС, взятых путем сплошной выборки из указанной авангардной драмы М. Угарова. Предметом данной научной работы является прагматический потенциал поэтонимов данного произведения: их значимость, статус, семантическая нагрузка, стилистическая коннотация и особенности употребления. В работе отражены результаты применения системного подхода к классификации проприальных единиц, работающих на страницах ХТ пьесы, раскрываются дескриптивный, лингвокультурологический, парадигматический, прагматический аспекты их анализа, а также нами используется метод количественных подсчетов.

Основная часть. Основным ориентиром при выборе именовании у художника слова, как нам представляется, остается *прагматический подход* к их употреблению, изучение которого в современной *поэтономологии* (термин В. М. Калинкина [8, с. 10]) имеет огромные перспективы. По мнению ученого-ономаста А. Н. Деревяго, литературное ИС помимо денотативного и сигнификативного компонентов обладает также и третьим – *прагматическим*, состоящим из бесконечного числа субъективных ассоциаций, возникающих на основе объективной информации о денотате [9, с. 45].

На наш взгляд, следует расширить понимание *прагматического потенциала* ИС, поскольку практическое назначение поэтонима, находящегося в ХТ, связано не только с возникновением многочисленных ассоциаций о денотатах-носителях ИС, но и в целом с ценностью, полезностью (их информативности, количества, структуры, функциональности, стилистической маркированности, коннотативного фона, концептуальности и прочих показателей) использования данных языковых единиц в ХТ. Писателю важно, чтобы ономапоэтические средства в драматургическом произведении максимально способствовали реализации авторской концепции, эксплицировали ту объемную информацию, которую только может вобрать в себя ИС как лингвистическая, так и экстралингвистическая категория.

По специфике референтного значения ИС пьесы «Смерть Ильи Ильича» подразделяются на ономастические классы, названия и дефиниции которых, за исключением *антропоэтонимов*, *библейзмов* и *контекстуальных имен*, приводятся по «Словарю русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской [10]. Условно все эти классы можно разбить на две большие группы: **антропоэтонимы** (термин В. М. Калинкина [6, с. 38]) – 39 номинаций и **«фоновые» ИС** – 42 единицы.

Антропоэтонимы ХТ по участию в развитии сюжета драмы дифференцируются как ИС *сюжетных* (ключевых действующих лиц) и *внесюжетных* (лишь упоминаемых) персонажей. По способу художественной номинации все **антропоэтонимы** ХК классифицируются как **прецедентные имена (ПИ)** – 23 единицы, не считая их вариантов: это литературные имена *сюжетных* лиц, ранее известные по роману И. А. Гончарова «Обломов» (**Илья Ильич Обломов / Илья Обломов / г. Обломов / Илья Ильич / Илья, Захар** (слуга Обломова), **Андрей Иванович Штольц / Штольц / Андрей, Ольга Сергеевна Ильинская / Ольга Ильинская / Ольга Сергеевна, Агафья Матвеевна Пшеницына / Агафья Матвеевна, Маша / Машенька, Ваня**), онимы *внесюжетных* персон (староста **Прокопий Вытягушкин**, его шурин **Дёмка Кривой, Михайлов, Семенов, Алексеев, Степанов, И. А. Гончаров**, доктор **Жан Мартен Шарко, Гиппократ, Лудовик-Филипп, Мехмет-Али, Лермонтов, Фридрих Шиллер**) и **фикциональные (индивидуально-авторские) имена (ФИ)** – 16 ИС: среди них онимы *сюжетных* персон (доктор **Аркадий / Аркадий Михайлович**, *контекстуальные номинации* **Первый посыльный, Второй посыльный**), *внесюжетных* лиц (прежний доктор **Карл Иванович**, крестьянские девушки **Анютка, Прасковья, Лида-маленькая, Наталья-котелок, Антонина – Не жди меня**, слуги **Матреша, Игнашка**, девушки-швеи **Лизавета Николаевна, Марья Васильевна, Степан, Иван Иваныч, доктор Шмитке, доктор Редель**).

В ономапоэтическом пространстве (поэтонимосфере) пьесы присутствуют и онимы так называемого второго плана, или «фоновые» номинации. Это разные виды *топонимов*: гидронимы **Волга, Сычуг, Нева, Охта**, хоронимы **Европа, Америка, Германия, Восток**, полисонимы **Париж, Киссенген, Эли, Тироль, Константинополь, Берлин, Харьков, Астрахань, Архангельск**, урбанонимы, причем, среди них есть и *годонимы* (имена проспектов, улиц, линий, бульваров, набережных) – **Гостиный Двор, Каменный мост, Екатерининская канава, Гороховая улица, Выборгская сторона, Безбородкин сад, Охтинское кладбище, Крюков канал**, в том числе эллиптированные имена – **Гостиный, Гороховая, Демидов, Львиный, Харламов**, *кайоним* **Обломовка**; *эргонимы* **Обуховская больница, Венский институт, Аугсбургская школа нервных патологий, Сальпетриёр** (больница в Париже); *геортонимы* **Рождество, Светлая Неделя, Пасха**, *идеонимы* «Смерть Ильи Ильича», *Casta diva*; *культонимы* (*библеизмы*) **Господь Бог / Господь / Бог, мать пресвятая Богородица**; *зооним* **Сивка**; *эпоним* **Totus / Totus** и др. Метод количественных подсчетов достаточно ярко демонстрирует такую специфическую особенность поэтонимосферы драмы М. Ю. Угарова, как преобладание «фоновых» ИС (52 %) над атропоэтонимами (будь то **ФИ** или **ПИ** – 48 %). И все же антропоцентризм по-прежнему остается в основе произведений рубежа веков, написанных для театра. ИС *сюжетных* и *внесюжетных* действующих лиц ремейка «Смерть Ильи Ильича» имеют следующую корреляцию: **ПИ** составляют 59 % и **ФИ** – 41 % от общего числа антропоэтонимов ХТ. Это еще одна отличительная черта ономастикона постмодернистской драмы.

В пьесе М. Ю. Угарова **ФИ** и **ПИ** могут принадлежать к одному из типов поэтонимов – *металогически* или *автологически* значимых [5, с. 69, 70]. Так, к *автологически* значимым ИС относятся *прямоговорящие* онимы. Здесь это *контекстуальные поэтонимы* – отапеллятивные имена, традиционно активно присутствующие во многих драматургических произведениях и таким образом номинирующие персонажей без имени. Так, в ХК появляются действующие лица, которые по очереди спешат к Штольцу с донесениями о коммерческих сделках – **Первый посыльный** и **Второй посыльный** (ср. *посыльный* – «*тот, кто посылается с каким-либо поручением*»; «*служащий для исполнения поручений*», «*разносящий бумаги, служащий для поддержания связи между начальниками*» [11, с. 328]).

К *металогически* значимым антропоэтонимам относятся, прежде всего, разряды **ПИ**, а также **ФИ**, среди которых *косвенноговорящие имена*, не содержащие в себе прямой характеристики обозначаемого лица. В отличие от *прямоговорящих* имен, обладая меньшей степенью семантической активности, они лишь опосредованно, метафорически характеризуют действующее лицо драмы.

ПИ в ХК авангардной пьесы можно разделить на два разряда: *имена реальных лиц* (*узואльные онимы*) – личные имена, отчества, фамилии, псевдонимы, прозвища известных людей, исторических деятелей: **И. А. Гончаров, Жан-Мартен Шарко, Гиппократ, Лудовик-Филипп** и др.; и *имена вымышленных (нереальных) лиц*, литературных героев: **Илья Ильич Обломов, Андрей Иванович Штольц, Ольга Сергеевна Ильинская** и др. Причем главные действующие лица этой пьесы – носители **ПИ**. Данные аллюзии могут обладать разными уровнями прецедентности, в зависимости от аудитории, степени ее эрудиции, образованности, национальной и профессиональной принадлежности. По раскрытию прагматики **ПИ** и их употребления, на наш взгляд, онимы-аллюзии подразделены на две категории, исходя из критерия *денотации / коннотации*, дифференциация которых к тому же обусловлена выявлением *социально-исторического* или же *филологического* контекстов [12, с. 130].

В ремейке М. Ю. Угаров эксплуатирует как *денотативное*, так и *коннотативное* значение **ПИ**. Художник слова, прибегая к использованию онимов, называющих героев-симулякров, имеющих свою полную копию в хорошо известном классическом романе И. Гончарова «Обломов», рассчитывает на воссоздание *денотативного* контекста. Это имена и их варианты коллежского секретаря **Илья Ильича Обломова / Ильи Обломова / г. Обломова / Илья Ильича / Ильи**, его верного слуги **Захара**, приятеля **Андрея Ивановича Штольца / Андрея / Шольца**, молодой возлюбленной **Ольги Сергеевны Ильинской / Ольги Ильинской /**

Ольги Сергеевны, хозяйки съемной квартиры, **Агафьи Матвеевны Пшеницыной / Агафьи Матвеевны**. Современный драматург прибегает к явлению *интертекстуальности*, когда в героях-симулякрах, сохраняющих в себе «копию» оригинала, отчетливо обнаруживаются как черты известного персонажа классического ХТ, так и современника писателя. Причем все перечисленные именованья уже несут определенную информацию о денотате, обладая *синергетическим потенциалом*, поскольку они, во-первых, обусловлены ХК, и во-вторых, сами предопределяют развитие действия драмы.

Синергетическое ИС – это ИС множественного кодирования, содержащее глубинные, иногда непосредственно не наблюдаемые смыслы и представляющее собой совокупность внутритекстовых нелинейных отношений и процессов. Под *синергетикой* ИС нами понимается такое взаимодействие имени и контекста, когда не только ХК определяет семантическую, коннотативную ауру имени, но и сама хорошо узнаваемая проприальная единица программирует ход драматургического действия, номинация задает заранее известное направление сюжета произведения, т.е. перед читателем / зрителем предстает «непрерывное сотрудничество» ИС и ХК. Таким образом, одна из важных модернистских специфических черт ономапоэтического пространства пьесы М. Ю. Угарова – использование концептуально значимых *синергетически функциональных ПИ*. Эти поэтонимы ХТ отражают содержательную сторону «образа персонажа», его идеологему. В каждом из таких *ПИ* уже заключен определенный сюжет, событие, характер и пр., которые реализуются в прежней ипостаси и получают свое продолжение в новой драме. Более того, знакомые имена героев-симулякров значительно упрощают прочтение созданных драматургом образов, поскольку аккумулируют в себе определенные уже известные прагматические смыслы: поэтоним-ремейк **Илья Ильич Обломов** отождествляется с инфантильностью, ленью и бездельем, в номинации **Андрей Шольц**, напротив, заложена семантика «активный деловой человек», **Ольга Ильинская** ассоциируется с идеальной героиней любовного романа, а **Агафья Пшеницына** символизирует уют, тепло, заботу и гиперопеку. Таким образом, *интертекстуальные ИС* называют нам вполне известных персонажей, сошедших со страниц романа И. Гончарова «Обломов», поэтонимы ориентируют аудиторию на сюжет этого произведения, предопределяют характеры и черты героев, т.е. сами обуславливают ХК. В этом случае данные номинации, по нашему мнению, обладают *синергетическим* содержанием.

В ХК М. Ю. Угаров для называния *внесюжетных персон* применяет и собственно *узуальные реалионимы* [10, с. 119] с сугубо денотативным энциклопедическим значением, так как в драме, во-первых, раскрывается определенный исторический дискурс, где писатель, создавая виртуальную реальность, обращается к подлинным событиям, на основе которых строит свое произведение. И второе назначение таких имен состоит в раскрытии фактов биографии героев пьесы, их личностного роста и трансформации. Драматург в ХК соотносит данные *ПИ* с денотатами, относящимися к эпохе XVIII–XIX веков: доктор **Жан Мартен Шарко** («АРКАДИЙ. Аугсбургская школа нервных патологий. Сальпетриер в Париже и доктор Жан Мартен Шарко...» [7, с. 207]) – французский врач-психиатр и педагог, специалист по неврологическим болезням и гипнозу, который жил в 1825–1893 гг.; **Фридрих Шиллер** («АРКАДИЙ (помолчав). ...Но медицина сделала огромный шаг вперед, и доктора теперь другие. Мы ведем свою историю от Фридриха Шиллера, полкового доктора!» [7, с. 228]) – известный немецкий поэт, философ, теоретик искусства и драматург, профессор истории и военный врач XVIII в.; **Людвиг-Филипп / Луи-Филипп** (1773–1850) – французский король; **Мехмет-Али** – египетский правитель в XIX в. («ОБЛОМОВ. ...Один пристал ко мне – читал ли я речь какого-то там депутата? И глаза вытаращил, когда я сказал, что депутатов не знаю. И не читаю газет. Как пошел рассуждать о Людовике-Филиппе, точно тот ему отец родной! Потом привязался – отчего это Мехмет-Али послал корабль в Константинополь? <...> Ночей не спит, голову ломает, будто Мехмет-Али ему тесть! <...> А у самого дочь куксится, в девках засиделась... Сын не учен, галок гоняет... Ужены зоб, а ее лечат кумысом... И это ему – ничто! <...> Ему депутат роднее родного и восточный вопрос!» [7, с. 218]). Раскрытие прагматики ряда *ПИ* требует знания *филологического* контекста они могут выступать в качестве *ономастических метафор, ономастических сравнений* или *ономастических*

метонимий. К примеру, номинация **Лермонтов** в ХК драмы («**ОБЛОМОВ**. ...Как это сказано у **Лермонтова** про глаза? Ага – «они не смеялись, когда смеялся он!..» [7, с. 230]) является ономастической метонимией: имеется в виду произведение этого автора.

К металогически значимым ИС относятся косвенноговорящие антропоэтонимы из ХК драмы. Безусловно, литературные (вымышленные ранее И. Гончаровым) **ПИ** также могут обладать косвенным или скрытым подтекстом. Так, по нашему мнению, фамилия старосты **Прокопия Вытягушкина**, с одной стороны, имеет связь с идиомой *вытягиваться в нитку / вытянуться в нитку*. (прост., экспрес.) – «*претерпевать все, что угодно ради кого-либо или чего-либо*»; «*проявлять всяческое усердие*» [13, с. 288]. И здесь, скорее всего, речь идет о деловых способностях, исполнительности и трудолюбию деревенского старосты Обломовки, стремлении его любой ценой угодить хозяину; с другой стороны, фамилия ассоциируется с глаголом **вытягивать** в значении «разг. *получать что-л. от кого-л. с трудом*» [13, с. 288], т.е. вымогать, выманывать, обирать, чем, собственно, и занимался Прокопий, собирая оброк с деревенских крестьян. Кроме того, **ФИ** также обладают возможностями косвенной характеристики действующего лица. *Внесюжетная* героиня по имени **Наталья-котелок** (ср. *котелок* – «металлический сосуд округлой формы, служащий для нагревания воды»; «небольшой металлический сосуд для еды, для варки пищи над огнем»; «перен. разг. *то же, что голова*» [14, с. 115]) может быть наделена читателем / зрителем целым рядом свойств и качеств. ИС способно вызвать спектр ассоциаций, связанных, возможно, как с внешними, так и личностными данными персонажа, намекая, к примеру, на сходство формы ее головы или тела с округлым котелком, либо, указывая на род деятельности **Наталии** – ее пристрастие к приготовлению пищи в котелке, или же указывать на выдающиеся умственные способности героини. Все это предстоит домыслить широкой аудитории, столкнувшись с данной номинацией *внесюжетного* персонажа. Но, бесспорно, подобные апеллятивные приложения к антропонимам, прежде всего, придают экспрессию и вносят юмористические мотивы в ХК драмы (ср. также **Лида-маленькая**, **Антонина – Не жди меня** и др.).

Ряд **ФИ** являются фиксаторами национальной принадлежности персоналий-авторитетов для действующих лиц драмы и даже могут выступать в качестве художественного средства. Номинация, подчеркивающая этническую принадлежность лица, **доктор Шмитке** применяется драматургом для реалистического отображения событий при конструировании сюжета, а именно, воссоздании немецкого окружения проходившего в Германии медицинскую практику молодого доктора **Аркадия Михайловича** («**АРКАДИЙ**... *Мой коллега по Аугсбургской школе нервных патологий, доктор Шмитке, должен по достоинству оценить это научное наблюдение*» [7, с. 226]). Оним **доктор Редель** писатель использует в качестве ономастического сравнения: «**АРКАДИЙ**. *Вот вам захватывающий научный эксперимент! Я буду проводить его сам над собою. Как доктор Редель – он привил себе свиную лихорадку и погиб. Но оставил потомкам дневник наблюдений над болезнью и тем самым спас множество жизней!*» [7, с. 226].

Весомую роль в тексте драмы играет *апеллятивно-онимное взаимодействие*. Всем именам нарицательным, находящимся в сочетании с проприальной единицей ХТ в пре- или постпозиции, присвоим термин *дескриптор* (от лат. *descriptor* – описывающий) – лексическая единица (слово или словосочетание), обладающая вспомогательным информационным значением или кодом, которая может определять свойство, качество, род деятельности, степень родства и прочие характеристики идентификатора. В качестве дескрипторов выступают апеллятивы. Апеллятивные слова обладают особым экспрессивно-семантическим зарядом, они соотносены с образом автора как выразителем главного идейно-эстетического смысла текста. *Дескриптор* рядом с ИС является своеобразным микроконтекстом. Апеллятивно-онимные образования позволяют автору создавать образ персонажа несколькими штрихами, не прибегая каждый раз к пояснению, что это за действующее лицо пьесы. Условно *дескрипторы*, на наш взгляд, подразделяются на две группы: *константные* (устойчивые, постоянные) и *казуальные* (единичные, нестабильные). *Константные дескрипторы* в основном отражают неизменные характеристики идентификатора, а именно являются индикаторами профессии, рода деятельности персонажа, его пола, возраста, социального статуса, определяют состояние родства либо устойчивые внутренние свойства героя, его внешние характеристики, содержат

факты биографии (*коллежский секретарь Илья Обломов, доктор Редель, доктор Шмитке, слуга Захар, барин Илья Ильич, старосты шурин Дёмка Кривой, мальчик Ваня, господин Обломов*). *Казуальные дескрипторы* при ИС дают эмоциональную, экспрессивную оценку персонажу. М. Угаров широко применяет их в речи действующих лиц пьес, авторских ремарках. Лексические единицы служат для выражения различных эмоций по отношению к денотату-идентификатору, например, почтения, преклонения или, напротив, уничижения, выступают, порой, как маркеры вежливости (*глубоко мною уважаемый Карл Иванович; отец наш и кормилец Илья Ильич; кормилец ты наш, батюшка, Илья Ильич; Monsieur Обломов; всенижайший раб Проконий Вытягушкин; добрая Агафья Матвеевна* и др.).

Значимой прагматической чертой ономапоэтических средств является традиционное использование русского именованного с *семанτικο-стилистической маркированностью*, а именно М. Ю. Угаров активно эксплуатирует различные *структурно-семантические модели и вариативность* ИС как средства отражения межличностных отношений, а также демонстрации социального статуса, возраста героев пьесы. Так, молодой доктор именуется просто **Аркадий** (*одночленная* форма личного имени), но чаще все же из почтения к его профессии для обращения требуется уважительная *двухчленная* форма номинации по имени отчеству **Аркадий Михайлович**, как, впрочем, и по отношению к прежнему доктору **Карлу Ивановичу**. Заслуживают серьезного обращения девушки, занимающиеся непростым и важным делом, которые шьют рубашки (**Лизавета Николаевна** и **Марья Васильевна**), а также, безусловно, люди благородного сословия (давний приятель Обломова **Андрей Иванович**, сам **Илья Ильич**, дамы из его окружения **Агафья Матвеевна** и **Ольга Сергеевна**). Более того, всем им еще в прологе драмы присвоена *трехчленная форма* номинации «фамилия + имя + отчество»: **Илья Ильич Обломов, Андрей Иванович Штольц, Ольга Сергеевна Ильинская, Агафья Матвеевна Пшеницына**. И, напротив, слуги **Обломова** и его родителей являются носителями *одночленной формы* только личного имени или его варианта **Захар, Матреша, Игнашка**, такую же структуру имеют номинации простых крестьян **Анютка, Прасковья, Степан, Михайлов, Семенов, Алексеев, Степанов**. Так, в целях создания необходимого художественного образа и его конкретизации писатель часто прибегает к прагматическим возможностям структуры ИС и их вариативности. *Однокомпонентная форма*: когда используется для номинации только «личное имя» (**Ольга, Андрей, Илья, Прасковья** и др.) или же «имя + аппеллятив / приложение» (**Лида-маленькая, Антонина – Не жди меня, Наталья-котелок**), либо «фамилия», а также модификаты ИС (*гипокористики* **Маша, Ваня, Лида, квалитативы: пейоративы Дёмка, Игнашка, деминутив Машенька**) указывают либо на достаточно близкие связи между персонажами драм (**Андрей / Штольц, Илья / Обломов, Ольга, Агафья** и др.), либо отражают социальную принадлежность действующих лиц или же сферу личностных, бытовых взаимоотношений героев. Использование *триимий*, характерной для русскоязычного антропонимикона (фамилия, имя, отчество) в ХК произведений, партикулярное (неофициальное) название в *двухкомпонентной форме* «имя + отчество» или «имя + фамилия» (**Илья Ильич, Андрей Иванович / Андрей Штольц, Ольга Сергеевна / Ольга Ильинская, Агафья Матвеевна / Агафья Пшеницына** и др.) демонстрирует не столько сферу официально-деловых отношений, сколько выражение уважительных межличностных чувств в быту, обрисовывая принятые социальные связи в обществе того времени.

Исследованию «*фоновых*» номинаций, на наш взгляд, в ономапоэтике практически не уделялось должного внимания при исследовании ХК литературного произведения. Между тем прагматические возможности этой группы ИС весьма многочисленны и значимы. Вкрапление «*фоновых*» ИС воспроизводит подробности предметного мира (обстановку, местоположение, интерьер, традиции, культуру), формирует наглядно-образное представление и характеристику персонажей (их окружение, интересы, увлечения). Все это создает эффект реальности, материальности художественного бытия.

Главное «*фонное*» ИС драмы – это ее заглавие. Заголовок пьесы «**Смерть Ильи Ильича**», написанной М. Ю. Угаровым «*по мотивам романа И. А. Гончарова “Обломов”*» [7, с. 205] несколько отличается от классического оригинала, однако он вполне традиционен для произведений русской литературы (ср. аналогичное название повести Л. Толстого «**Смерть**

Ивана Ильича)). Отсылка к роману «Обломов» изначально настраивает читателя / зрителя на сопоставление двух текстов, формируя при этом догадку относительно темы и идеи произведения. Фактически темой пьесы стали обстоятельства, приведшие главного героя **Илью Ильича** к гибели. Обладая проспективной функцией, преобразованное драматургом оригинальное гончаровское заглавие больше содействует отражению современной авторской концепции, суть которой в том, что в эпоху глобальных общественных перемен 1990–2000-х годов, когда первостепенными становятся не духовные, а рыночные ценности, смерть исконного русского интеллигента неизбежна.

Система ономапоэтических средств второго плана пьесы, а именно: *эргонимы* и *идеонимы*, *библейзмы*, *геортонимы* и *топонимы*, представляют собой лингвокультуремы, так как к обычным составляющим (знак – значение) добавляется еще культурно-понятийный компонент. *Топонимы*, *эргонимы* в ХТ служат не только для того, чтобы поместить в пространстве действующих лиц и создать достоверный фон для изображаемых событий (место, где живут персонажи, действительность и геополитическое пространство, которые их окружают и проч.). *Топонимы* могут оказывать влияние на воплощение общего художественного замысла, а именно отражение системы противоречий в пьесе. К примеру, у автора прослеживается тенденция в использовании бинарно оппозиционных номинаций по типу «*восток – запад*»: **Европа, Америка и Восток**; «*иностранное – славянское*»: **Париж, Берлин, Киссенген, Эли, Тироль и Константинополь, Харьков, Астрахань, Архангельск**; «*отсталое – передовое*», или «*старое – новое*»: **Гороховая улица и Выборгская сторона** («*Комната в доме на Выборгской стороне. Чистота, порядок и уют. На окнах – цветы. Под потолком – четыре клетки с чижками и канарейками. ЗАХАР. Выборгская сторона – это вам не Гороховая улица!.. Ни пыли, ни копоти. Безбородкин сад рядом, Охта под боком, Нева в двух шагах!*») [7, с. 229]), неназванный, но угадываемый город **Санкт-Петербург** (на место описываемого действия в пьесе опосредованно указывают вышенупомянутые *урбанонимы*) и деревня **Обломовка**. Таким образом, в ХК пьесы представлено построение хронотопа, изображающего локальную реальность, по принципу выбора онимов, бинарно противоположных друг другу. Под воздействием экстралингвистических условий топонимические номинации (*хоронимы*, *полисонимы*, *урбанонимы*) могут превращаться в идеологемы общественного сознания своей эпохи.

Одной из прагматических составляющих «*фоновых*» *онимов*, несомненно, является не только страноведческая, но и идеологическая информация. Данные ИС со смысловой и эстетической точки зрения связаны с глубинным идейно-художественным подтекстом всего произведения писателя. Весьма интересен в этом плане *эпоним* **Тотус / Totus** (ср. лат. *tōtus* – весь, целый), который предлагает драматург для определения болезни **Ильи Ильича Обломова**. М. Ю. Угаров сознательно отходит от традиционного гончаровского термина «обломовщина» (от слова *облом* / *обломок* – «*отбитый или отломившийся кусок чего-либо*», «*то, что обломилось*») [15, с. 542, 543], т.е. часть чего-либо от целого), поскольку у него свое видение проблемы бытия самого обычного русского интеллигента в обществе, которое захватывает чрезмерная деятельность. Контекстуально автор интерпретирует диагноз **Обломова**: «*АРКАДИЙ. Ваша болезнь называется – TOTUS. <...> Это редкая болезнь, с нею уж никого почти не осталось. Наверное, вы один и есть. Все остальные – pēle-mēle, tutti-frutti, смесь, ни то ни се. Но это и позволяет им выжить. <...> Ваш диагноз несовместим с жизнью <...> Вы скоро умрете. Пауза. ОБЛОМОВ. <...> Totus? <...> Что есть – Totus? АРКАДИЙ. Целый. Целый человек. Такой жить не может. ОБЛОМОВ (после паузы). <...> ...Значит, Pēle-mēle – жить будет? И Tutti-frutti – тоже? Полчеловека, четверть-человека, осьмушка и одна шестнадцатая – все живы... А бедный Totus – нет? АРКАДИЙ. Нет» [7, с. 343, 344]. Следовательно, **Totus** – это, напротив, нечто единое, цельное, в какой-то степени идеальное. Но поскольку мир вокруг полон противоречий, то он способствует разрушению и гибели всего гармоничного и правильного.*

По видению М. Ю. Угарова, **Илья Ильич** – последний адекватный самодостаточный человек. Но герой обречен на гибель, поскольку его жизнь лишена смысла в обществе, где утрачиваются традиционные моральные устои. И если ранее **Обломов** был лишь объектом

критики за свою лень и бездействие, то, напротив, новое «прочтение» классики, скорее, последовательно убеждает широкую аудиторию в том, что такие люди просто необходимы деградирующему социуму. Ведь деятельности в перестроечный период стало настолько много, что важно уже провозглашать противоположный культ – пассивность и бездействие. Так, ономапоэтические «**фоновые**» единицы участвуют в передаче авторского замысла, способствуют формированию содержательно-смысловой структуры художественного произведения, взаимодействуют с другими компонентами текста, играя роль ключевых элементов в пьесе.

Заключение. Таким образом, в авангардной драме-ремейке М. Ю. Угарова наблюдается достаточно яркая реализация ИС широких прагматических возможностей. Количественное превосходство **ПИ** (59 %) над **ФИ** (41 %), а также «**фоновых**» **ИС** (51 %) над **антропоэтонимами** (49 %) обусловлено избранным драматургом художественным методом постмодернизма и такой формой жанровой разновидности, как пьеса-ремейк. Писатель использует весь спектр прагматического содержания номинаций: их информативный, структурный, семантико-стилистический и концептуальный потенциал. Автор применяет в ХТ *автологически* и *металогически* значимые **антропоэтонимы** (*прямоговорящие* контекстуальные имена, **ПИ** и *косвенноговорящие* ИС), номинации второго плана (в частности, *топонимы*, *эпонимы* и др.), *апеллятивно-онимное взаимодействие*, активно обращается к *синергетическим* возможностям онима, его экстралингвистическому содержанию для реализации творческой концепции и авторской убежденности, передачи ярко выраженной экспрессии, а также исторического колорита. Созданная М. Ю. Угаровым поэтонимосфера пьесы отчетливо демонстрирует приверженность драматурга синтезу стилевых традиций русского классического театра (классические классы, типы и разряды ИС, заголовков, вариативность) и постмодернистских тенденций современного репертуара театра абсурда (корреляция **антропоэтонимов** и «**фоновых**» **ИС**, **ПИ** и **ФИ**, использование **ПИ** для номинации героев-симулякров, а также синергетических возможностей аллюзий). Прагматизм используемых ономапоэтических единиц – это один из своеобразных художественных приемов, позволяющих мастеру слова воплощать поэтику театра постмодернизма, которая полностью отражает убежденность автора в цикличности, повторяемости абсурдности бытия, во враждебности и жестокости общества перестроечной эпохи 1990–2000-х гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фомин, А. А. Литературная ономастика в России: итоги и перспективы / А. А. Фомин // Вопросы ономастики. – 2004. – № 1. – С. 108–120.
2. Михайлов, В. Н. Лингвистический анализ ономастической лексики в художественной речи / В. Н. Михайлов. – Симферополь : СГУ им. М. В. Фрунзе, 1981. – 28 с.
3. Отин, К. С. Словарь коннотативных собственных имен / К. С. Отин. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – Донецк : Юго-восток, Лтд, 2010. – 518 с.
4. Калинин, В. М. Поэтика онима / В. М. Калинин. – Донецк : Юго-Восток, 1999. – 408 с.
5. Петрачкова, И. М. Самообразии онимических средств в драматургических текстах театра абсурда Дмитрия Липскерова / И. М. Петрачкова // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. – 2021 – № 1. – С. 64–76.
6. Калинин, В. М. Литературная ономастика, или Поэтика онима / В. М. Калинин. – Донецк : ДНУ, 2002. – 41 с.
7. Гремина, Е. А. Пьесы и тексты : в 2 т. / Е. А. Гремина, М. Ю. Угаров. – М. : Новое литературное обозрение, 2019. – Т. II. – 438 с.
8. Калинин, В. М. Знакомьтесь: поэтонимология / В. М. Калинин // Вестник Тамбовского университета. Сер. Филологические науки и культурология. – 2017. – Т. 3, вып. 1 (9). – С. 10–17.
9. Деревяго, А. Н. Имя собственное в художественном тексте / А. Н. Деревяго. – Витебск : Изд-во Витебского гос. ун-та им. П. М. Машерова, 2008. – 197 с.
10. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская ; АН СССР, Институт языкознания. – М. : Наука, 1978. – 200 с.
11. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – Изд. 3-е, стереотип. – М. : Русский язык, 1987. – Том 3. (П–Р). – 752 с.
12. Петрачкова, И. М. Ономапоэтические универсалии в ностальгических драмах Елены

Анатолевны Гремной / И. М. Петрачкова // Вестник Полоцкого государственного университета, 2022. – № 9 (65). – С. 127–135.

13. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – Изд. 3-е, стереотип. – М. : Русский язык, 1985. – Том 1. (А–Й). – 696 с.

14. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А.П. Евгеньевой. – Изд. 3-е, стереотип. – М. : Русский язык, 1986. – Том 2. (К–О). – 736 с.

Поступила в редакцию 01.12.2022.

“Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 3.

Philology. Pedagogy. Psychology”

Vol. 13, No. 2, 2023, pp. 33–42

© Yanka Kupala State University of Grodno, 2023

Pragmatics of onomapoetic means in the drama-remake of M. Yu. Ugarov “The Death of Ilya Ilyich”

I. M. Petrachkova

Gomel State Medical University (Belarus)

Lange St., 5, 246000, Homel, Belarus; e-mail: innamihail@mail.ru

Abstract. The introduction indicates the object of the study – proper names in the context of M. Ugarov’s postmodern drama-remake “The Death of Ilya Ilyich”. The scientific novelty of the work lies in the fact that for the first time it considers the pragmatic possibilities of onomapoetic means in a postmodern play. This line of research is quite fresh, relevant and interesting, since understanding the choice of a proper name by the author, its informativeness, semantic loading, conditionality by the context of the work, the style of such a phenomenal artistic method as postmodern drama, will provide a better understanding of the cultural literary codes of the writer and comprehend his creative concept. In the main part of the article, all the poetonyms of the artistic text are classified depending on their referential meaning, participation in the development of the action of the drama, the method of nomination, and the degree of semantic activity. Fictional individual-authorial and precedent anthroponyms are described, nominating plot and extra-plot characters, as well as propria units of the second plan, the so-called “background” naming. The onomapoetic space of the drama has been analyzed, the synergetic possibilities of nominations have been identified, and the role of appellative-onymic interaction has been established. The conditionality of the onomapoetic vocabulary by the artistic method and the genre variety of the play is traced. The pragmatic potential of literary names is revealed, associated with the identification of deep, not directly observable meanings of proprietary units for the embodiment of an individual author’s concept in a work. Onomapoetic tendencies are revealed, combining traditions and innovation inherent in the idiosyncrasy of the playwright M. Ugarov. In conclusion, the results of the study of the poetonymic sphere of the work are summed up, the pragmatic possibilities of onomapoetic means are established, their correlation in the artistic context is revealed, the classical and modern trends in the use of names that contribute to the embodiment of the author’s concept are listed. The materials of the article can be used for training and educational purposes in higher and secondary educational institutions – in teaching university courses in lexicology, linguistic analysis of a literary text, modern Russian literature, as well as special courses and special seminars on onomastics.

Keywords: proper name, anthroponym, onomapoetic means, fictional name, poetonym, interpretation, precedent name, pragmatic potential, proprietary unit.

References

1. Fomin A. A. Literary onomastics in Russia: results and prospects [*Literaturnaia onomastika v Rossii: itogi i perspektivy*]. *Voprosy onomastiki*, 2004, No. 1, pp.108-120.

2. Mikhailov V. N. Linguistic analysis of onomastic vocabulary in artistic speech [*Lingvisticheskii analiz onomasticheskoi leksiki v khudozhestvennoi rechii*]. Simferopol, 1981, 28 p.

3. Otin K. S. Dictionary of connotative proper names [*Slovar ’konnotativnykh sobstvennykh imen*]. 3rd ed., revised. and additional. Donetsk, 2010, 518 p.

4. Kalinkin V. M. Poetics of the onym [*Poetika onima*]. Donetsk, 1999, 408 p.

5. Petrachkova I. M. The originality of onymic means in the dramatic texts of the theater of the absurd by Dmitry Lipskerov [*Svoeobrazie onimicheskikh sredstv v dramaturgicheskikh tekstakh teatra absurda Dmitriia Lipskerova*]. *Journal of the Belarusian State University. Philology*, 2021, No. 1, pp. 64-76.

6. Kalinkin V. M. Literary onomastics, or Poetics of the onym [*Literaturnaia onomastika, ili Poetika onima*]. Donetsk, 2002, 41 p.

-
7. Gremina E. A., Ugarov M. Yu. Plays and texts : in 2 vols. [*P'esy i teksty : v 2 t.*]. Moscow, 2019, vol. II, 438 p.
8. Kalinkin V. M. Meet: poetonymology [*Znakom tes' : poetonimologiya*]. *Tambov University Review. Series Philology and Culturology*, 2017, vol. 3, issue 1 (9), pp. 10-17.
9. Dereviago A. N. Proper name in a literary text [*Imia sobstvennoe v khudozhestvennom tekste*]. Vitebsk, 2008, 197 p.
10. Podolskaya N. V. Dictionary of Russian onomastic terminology [*Slovar' russkoi onomasticheskoi terminologii*]. Moscow, 1978, 200 p.
11. Dictionary of the Russian language : in 4 vols. [*Slovar' russkogo iazyka : v 4 t.*] ; ed. by A. P. Evgenieva. 3rd ed. Moscow, 1987, vol. 3, 752 p.
12. Petrachkova I. M. Onomapoetic universals in the nostalgic dramas of Elena Anatolyevna Gremina [*Onomapoeticheskie universalii v nostal'gicheskikh dramakh Eleny Anatol'evny Greminoï*]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A. Gumanitarnye nauki*, 2022, No. 9 (65), pp. 127-135.
13. Dictionary of the Russian language : in 4 vols. [*Slovar' russkogo iazyka : v 4 t.*] ; ed. by A. P. Evgenieva. 3rd ed. Moscow, 1985, vol. 1, 696 p.
14. Dictionary of the Russian language : in 4 vols. [*Slovar' russkogo iazyka : v 4 t.*] ; ed. by A. P. Evgenieva. 3rd ed. Moscow, 1986, vol. 2, 736 p.

Уважаемые авторы!

Более подробно требования к оформлению материалов, а также условия для принятия материалов см. на сайте журнала

<http://vesnik.grsu.by>